

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 66 (2381)

Среда, 24 декабря 1947 г.

Цена 40 коп.

Ф. М. Достоевский и наша критика

СОЮЗ МЕЧА И ДОЛЛАРА

Современная буржуазная литература мобилирует все свои силы для того, чтобы испугать, зарганизить все человеческое, доказать ничтожность, слабость, презренность самой человеческой природы. Человек низок и грязен по самому существу своему — вот подлый тезис, развешиваемый на все лады литературными агентами империалистической реакции. Она ржусет все человечество в виде жестоких, мерзких пачуков, в каждом из которых прятается злой паук, преступник, убийца. Человечество нуждается в обуздании! — такой смысл той острейшей клеветы на человека, которая составляет в наши дни главное содержание зарубежной реакционной литературы. Она стремится растлить души, поддаться волю к борьбе, оправдать дикие насилие владык буржуазного мира над народами. Между прогрессивной и реакционной литературой идет упорная, непримиримая борьба за человека. Прогрессивный лагерь возглавляет наша советская литература.

Какую роль в этой сегодняшней борьбе играет творчество Достоевского? В каком лагере оказывается Достоевский в наши дни?

На этот вопрос наша критика обязана дать ясный, недвусмысленный ответ. Так же, как и при своей жизни, Достоевский и сейчас оказывается в авангарде реакции. Его произведения широко и активно используются в острейшем походе на человека, предпринятом литературными лакеями Уолл-стрит. И это вполне понятно, потому что все мощью своего таланта Достоевский израсходовал на доказательство ничтожности, слабости, ничтожности человеческой натуры.

Горький писал о Достоевском: «Он чувствует себя как бы глашатаям неких темных и враждебных человеку сил, он постоянно указывает на разрушительные стремления человека, который идет главным образом по пути личной свободы, требует, чтобы за ним было признано право всем пользоваться, всем наслаждаться, не подчиняясь ничему».

Достоевский провозглашал «законы природы» человека и прежде всего «закон» тяготения к жестокости и мести, более сильного, чем тяготения к добру и красоте. Один из самых любимых героев Достоевского — Митенька Карамзов — так характеризует себя:

«Любя разврат, любя и срам разврата, любя жестокость: разва я не клоп, не злое насекомое? И вместе с тем, тот же Митенька оказывается «благороднейшим человеком». Его возлюбленная, Грушенька, говорит ему:

«Я знаю, ты хоть и зверь, а ты благородный».

В каждом человеке сидит злое насекомое, «мерзкая фаланга», тарантул, и если дать волю человеку, он разрушит и осквернит все на свете.

Достоевский не верил в человеческий разум, волю. Если дать свободу человеческому разуму, то он неизбежно оправдает карамзовское «все позволено!» — на котором впоследствии Ницше построил свою теорию «сверхчеловека». Потому-то и необходим высший авторитет религии. Без «страха божьего», без предостыжной «улыбки» человечества не существовало Достоевскому невозможно. И чтобы внушить эту мысль читателю, он делал все, что мог, для обоснования якобы «вечного» присущего людям, что бы они ни были, стремления к мучительству, разрушению, жестокости. В противоречивых словах Митеньки Карамзова следует обратить внимание на характерный для героев Достоевского оборот: Митенька не говорит, что он бывал жесток; он, по его мнению, любит жестокость. Герои Достоевского именно любят зло, жестокость, мучительство, они не могут жить без этого. Их неудержимо тянет к преступлению, к насилию над слабыми, над детьми. Ничего не поделаешь, такое человек! — говорит — вернее, кричит! — Достоевский всем своим творчеством. Надо обожать человека религией, страданием, покорностью, смиренном. Только в страдании может очиститься человек. Вот главная мысль Достоевского, ей посвящены все наиболее значительные его произведения.

Салтыков-Щедрин видел в Достоевском именно и прежде всего фанатика обуздания людей. В предисловии к «Благонравным речам» великий сатирик полемизировал с Достоевским, говоря о типах «обуздателей»:

«Глушь искренне суть те устоища обуздания, перед которыми содрогается даже современная, освоенная с гланием действительность. Это чудовища, которые лгут не потому, чтобы имели умысел вводить в заблуждение, а потому, что не хотят знать ни свидетелства истории, ни свидетелства современности, которые ежели и видят факты, то признают в нем не факт, а каприз человеческого совоеления... Это угрюмые люди, никогда не покидающие марева, созданного ими воображением, и с неумолимо последовательностью проводящие это марево в действительность».

Горький подкреплял эту оценку, подчеркивая, что Достоевского можно отлично представить в роли средневекового инквизитора, карающего людей за извечные страхи».

Для Достоевского изображение страшно-го в жизни — в том числе самого страшного: издевательство над детьми, — было аргументом в споре, доказательством бессмысленности каких бы то ни было попыток разумного, революционного изменения действительности. Человек «по природе» свой мучитель, он «любит» истязать детей, мучить слабых, и поэтому он должен жить в смиренном, всему подчиняться, во всем «согласиться», вечно чувствовать вину своего перед всем живым и мертвым. Вот что говорил об этом Достоевский в своем «Дневнике писателя»:

«...понятно... что зло таится в человечестве глубже, чем полагают лекари — социальности, что ни в каком устройстве общества не избегаете зла, что душа человеческая остается та же, что и нормальность и грех исходят из нее самой».

В беседах о ремесле Горький рассказывал о первых годах своего писательского пути:

«Пассивную роль я считал недостойной литератур, мне ужасно было: если ержи — крива, пьезают на зеркалах, и я уже делался: ержи кривы не потому, что желают быть кривыми, а оттого, что в жизни действует некая вещь и все уродующая сила, и «отражать» нужно ее, а не исправляем ее».

Если употребить терминологию, примененную Горьким, то придется признать, что Достоевский стремился своими произведениями и публицистикой обосновать то самое, против чего возражал Горький: Достоевский над всем сил хотел доказать, что ержи кривы именно потому, что желают быть кривыми. Он отрывал изображения ни в таком изобилии факты мучительности, жестокости, человеческого уродства от той силы, которая «действовала в жизни и уродовала всех и все»; он объяснял эти факты

не как следствие, уродливой социальной действительности, а как свойство души человеческой. С этим взглядом и субъективно-психологический метод его творчества — рывающийся с реалистическими традициями и расчищавший путь для последующего декадана.

Патологические особенности произведений Достоевского, его отход от традиций реалистической, — или, как тогда говорили, «натуральной» — школы русской литературы, с поразительной проникновенностью угадывали наши революционно-демократические критики. Великий писатель ставил это уже в «Двойнике», в Добролюбов — в «Униженных и оскорбленных».

Сущность романа «Униженные и оскорбленные» Добролюбов видел не столько в «сочувствии Достоевского к униженным и оскорбленным, сколько в изображении типа злодея (князь Валковский, из которого, как мы знаем, развился впоследствии более сложное злодейское лицо Достоевского). Добролюбов писал, что «основу романа, зерно его, составляет именно воспроизведение характера этого князя. Но, всматриваясь в изображение этого характера, вы найдете с любовью обрисованное сплошное безобразие, собрание злодейских и цинических черт... Оттого вы не можете ни почувствовать сожаления к этой личности, ни возненавидеть ее той высшей ненавистью, которая направляется уже не против личности собственно, но против типа, против известного разряда явлений... Как и что сделало князя таким, как он есть?.. если у него душа совсем выжута, то каким образом и при каких средствах произошел этот лоботряпский процесс? Мы знаем, например, как Чичиков и Плюшкин дошли до своего настоящего характера, даже части знаем, как обиделся Илья Ильич Обломов... Но г. Достоевский этим требованием пренебрег совершенно» (подчеркнуто мною — В. Е.).

Итак, Достоевский пренебрег основным требованием реализма: социальным объяснением типов и явлений, которое характеризовало творчество и Гоголя, и Гончарова, и других писателей-реалистов. Поэтому Достоевский не дал обобщения, реалистического образа социального зла. Выдвигая извечную, не зависящую ни от каких реальных социальных условий, ни от каких «действующих в жизни сил», — «дущу человеческую», как первоисточник всякого греха и зла, Достоевский не мог вызвать у читателя в отношении к злодею, князю Валковскому, «любимую жестокость», той высшей ненависти, которая направляется против целых классов, против общих реальных, социальных причин зла. Исключительно важно также замечание Добролюбова о том, что Достоевский «с любовью рисует безобразие, что он сам, в сущности, любит зло».

Добролюбов предсказал все главные пороки произведений Достоевского, развращающиеся после «Униженных и оскорбленных». Образ князя Валковского впоследствии усложнился: Валковский стал Ставрогиним, Версиловым. И эти сальто, мерзавцев, растлителей, духовных провокаторов, дурачков Достоевский тоже обрисовывал с любовью, сознательно стремясь к тому, чтобы, — как писал он в своих записках, — эти типы были для читателей «и отвратительны, и обязательны». Психика критика, кормившаяся извечной неопределенной дилеммой «гуманизма», «любит» оправдывать всякое злодейство, «оскорбления», мучительство, «использование» красной «социальной» лжи и «любви» к людям. Но далеко не всякая картина боли и мучительства гуманизма: она может быть и антигуманизмической, если в ней позиционируется страдание, или звучит мотив самобичевания, или мучительство, или, наконец, если тема ужаса, боли, унижения используется для запугивания людей, для проповеди смирения, для доказательства греховности и ничтожности человека. Горький глубоко ненавидел и разоблачал в своих произведениях «пророков» двух типов: «тутешней», обманщиков вроде Луки и христианско-юродствующих «разоблачителей», спекулирующих на страхах, мук, на слезах ребенка для внушения людям страха перед мрачными «тайнами» человеческой души.

Между тем, некоторые советские критики после Беллинского, после Добролюбова, после Щедрина, после Горького все еще по-либеральному воспевают «гуманизм» Достоевского, его «веру в человека», доказывая, что Достоевский был таким же реалистом, как Пушкин, Гоголь, Толстой, что он «социально детерминировал» все переживания и поступки своих героев, что он был «социалистом», мечтал об осуществлении социалистических идеалов на земле и т. д. А именно к этому сводятся концепции вышедших недавно трех работ: «Ф. М. Достоевский», «Молодой Достоевский» В. Кириллина и «Творческая лаборатория Достоевского» А. Долнина. Да и то чтобы убедиться, как далеко ушли назад от просветительской, революционно-демократической критики эти советские исследователи, достаточно хотя бы сопоставить приведенные выше замечания Добролюбова о романе «Униженные и оскорбленные» со следующим рассуждением об этом же романе В. Кириллина:

«Картину жестокости, грубости и зла, с которыми столкнулся Достоевский из каторги, заставили его пристально всмотреться в природу человека, но не же поколебала его веры в нее. Отвержене — не сущность, а искажение природы человека. Гуманизм Достоевского, возросший и окрепший в каторжеской атмосфере сороковых годов, выдержал испытание каторгой... Униженные и оскорбленные» замечательны еще своими режисскими антикапиталистическими настроениями. Зло олицетворено в этом романе в образе князя Валковского, а демон, владеющий Валковским, толкающий его на жестокость и преступления, — это деньги... Сознание нравственной ответственности за социальное устройство мира встает со страниц его романа... Достоевский будил жалость, но в ответ пробуждал гнев. Униженные и оскорбленные» порождены были музой печали, но воспринимались они так, как произведение «музы печали и мести»... (В. Кириллин, «Ф. М. Достоевский», «Советский писатель», 1947, стр. 24—25—26).

Добролюбов говорит, что в романе Достоевского нет социального обобщения, социальных причин зла, а есть, наоборот, любовное злом, смакование «безобразия», как Кириллин утверждает, что зло, олицетворенное в князе Валковском, имеет у Достоевского социальное объяснение. Добролюбов указывает, что роман не вызывает высшей ненависти к злу, как в Кириллин заверяет нас в том, что зло, изображенное в романе, вызывает гнев против социального неустойства. Добролюбов отмечает «совершенное пренебрежение» Достоевского основным законом реализма — социальным объяснением явлений. — в Кириллин заявляет, что реализм Достоевский оказался до конца живым» («Ф. М. Достоевский», стр. 62).

В творчестве Достоевского сильные и слабые стороны настолько прослись, переплелись между собой, что необходимо самый тщательный, скрупулезный научный анализ для того, чтобы попытаться отделить одно от другого.

Достоевский, несомненно, выразил страх патриархального, отсталого, реакционного мещанства перед победоносным шествием капитализма в России, с его новыми, волнющими законами жизни. Ломаясь, треща, по всем швам патриархальная Россия. Человек, от имени которого говорил Достоевский, оказался всецело предоставленным самому себе в новой, неуютной для него, страшной действительности. Маленький чиновник, задушенный дворянин, брошенный в капиталистический водоворот и испытывающий бедствия деклассации, разочарования, оторванный от жизни народа, от народных идеалов, — этот герой произведений Достоевского сгибался под двойной тяжестью: его угнетали и крепостнические пороки, и рост новых капиталистических отношений. Зверская сущность новых законов жизни обнажалась перед ним, а победа демократии, роль и значение рабочего класса, что неопределятельно, смутно, но все же вырисовывалось в перспективе будущего перед духовным взором наиболее прозорливых представителей лагеря революционной демократии, — все это только ужасало и гнетло Достоевского, и его самого. «Злая пролетаризация» представлялась Достоевскому столь же ужасной, как и сам капитализм. Более того: самые антикапиталистические настроения Достоевского усиливались именно его страхом перед грядущей пролетарской революцией. Наблюдая жизнь Зладея, Достоевский хорошо понимал, что капитализм чреват пролетарской революцией, и его ненависть к буржуа, его страх перед ужасами и соблазнами капиталистического хищничества, «своевольная» одичавшая буржуазная личность, оказывались вместе с тем и ненавистью к революционному рабочему классу, к социализму, страхом перед пролетарской революцией. Так, отражая, — хотя и искаженно, — реальные исторические процессы и противоречия, реальные ужасы капитализма, — Достоевский вместе с тем клеветал на все переживаемое, честное, революционное.

Если Беллинский догадывался об относительной прогрессивности капиталистического пути, то Достоевский, имея в лагере Беллинского в своем «зле» уже перед представлениями, катаклизмами, классовой борьбой, в своей прогрессивной, вострой ненависти к буржуазии, в своем революционном, — встал на путь реакционной антикапиталистической утопии. Пытаясь повернуть историю вспять, он превратился в вострого защитника традиционной формулы: «православие, самодержавие, народность». Идеализируя все косное, отсталое в жизни страны, Достоевский идеализировал и реакционные предрассудки крестьянства, веру в царя и боженьку, противопоставляя это «гордыню» революционной интеллигенции. Так возникло его «повиновение», его судорожная вера в то, что Россия «спасет мир» от пролетарской революции, «отказавшись» от капиталистического пути.

Достоевский сделал своей специальностью самую гнусную клевету на революционные России. Риски буржуазных отщепенцев вроде Раскольникова, он стремился — вопреки фактам, ядрому смыслу, истории — представить их как революционеров, социалистов, атеистов. Вместе с тем, буржуазное хищничество, своеволие, жестокость, не только ужасали Достоевского, но и неудержимо влекли к себе, манили, соблазняли. Отсюда его смакование преступлений, душевного и асического разврата, самой отвратительной грязи, преступления, злоеволия. Идея «сверхчеловека», которую Достоевский «любил» мереть, любовь к себе Достоевского и его героев, с их неустановившимся, отсутствием моральных норм, отсутствием чести, мужеством народу. Недаром Ницше, многому научившийся у автора «Преступления и наказания», называл его своим «великим учителем». «Дае беззачем», — ужас перед злом и неудержимая тяга к нему, — раздвоенность психики, создавая основу для апологии преступления, являлась одним из главных черт личности и самого Достоевского и его героев.

Критики, идеализирующие Достоевского, хотят уверить нас в том, что он все свое знание существовала социализму и даже грядущей пролетарской революции. Мы знаем, что Достоевский готовил Россию особую «миссию»: спасение от пролетарской революции и от ужасов капитализма на путях «единения царя с народом». Эту мысль высказывал Достоевский и в своей пушкинской речи, обращаясь к революционной интеллигенции с призывом: «Смирись, гордый человек! В Кириллин утверждает, что «пророчество» Достоевского «о всемирно-универсальной миссии русского народа» носило революционный характер. «В свете прожитого нами исторического опыта», — пишет В. Кириллин, — мы можем не признавать, что «пророчество» Достоевского по рациональному своему содержанию перекликается пророчеством Беллинского и является смутным предчувствием перенесения центра тяжести борьбы за социализм на нашу родину, смутным предчувствием, что Россия «идет за собой» другие народы по пути и социального и национального братства» («Ф. М. Достоевский», стр. 61).

Отожествлять гордую мечту Беллинского о революционной, демократической, социалистической России, стоящей в главе перед революционным, прогрессивным человечеством, с реакционно-утопической идеологией Достоевского на то, что Россия «спасет мир» не только от капитализма, но и от революции и от социализма, — это означает также и принижение Беллинского и такое возвышение, идеализацию Достоевского, до которого не доходила даже и самая плоская либеральная критика.

На протяжении всей своей работы «Молодой Достоевский» В. Кириллин доказывает чуть не последнее тождество взглядов Беллинского и Достоевского вплоть до копирования тому горькому разочарованию, какое вызвал у Беллинского «Двойник». С опровержениями, поправками, смягчениями Кириллин говорит о том, что в «Двойнике» выражено колебание Достоевского в его отношении к человеку — в то время как «Двойник» представлял собой выражение непереносимости Достоевского к человеку. Уже одно это — разочарование Беллинского в связи с «Двойником» — опровергает версию В. Кириллина о том, что Беллинский и Достоевский являлись единомышленниками на протяжении сороковых годов. В Кириллин глухой стеной отгораживается молодого Достоевского от Достоевского второго и третьего периодов. А между тем, последующее явление Достоевского содержало гораздо больше уже и в «Двойнике», и в «Хозяйке», и в «Нечто Незабвенное». На эту ошибку В. Кириллина верно указал Р. Урлов в своей рецензии, напечатанной в «Литературной газете» (№ 58, 1947). Но в целом эта рецензия носит явно апологетический характер по отношению к книге В. Кирил-

лина, и напечатание ее является грубой ошибкой «Литературной газеты». Точно так же грубой ошибкой является заглавливание книги В. Кириллина «Молодой Достоевский» в ряде вышедших т. А. Фалеева.

Книга А. Долнина «В творческой лаборатории Достоевского» представляет собою сплошную апологию. Маскируясь огорченно о враждебности Достоевского революции, Долнин на деле несколько более позоренно, чем в прежних своих работах, развивает легенду о Достоевском — революционере и социалисте. В новой своей книге Долнин прямо ссылается на свои прежние работы, например, на вступительную статью к сборнику «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования» (изд. Академии наук СССР, Лгр., 1935 г.). А ведь в этой статье Долнин приложил ленинскую оценку Достоевского, как идеолога мелкой буржуазии, более революционным, чем Толстой. В новой книге А. Долнин изображает Достоевского сторонником... Парижской Коммуны! Без всяких к тому оснований А. Долнин заявляет, что Достоевский был «глухо» ошеломлен тем, что опыт построения «хрустального царства на земле», стояния таких колоссальных жертв, не удался» («В творческой лаборатории», стр. 10). И тут же, в трагическом проношении с этим своим утверждением, А. Долнин приводит (на следующей странице своей книги) запись Достоевского — проект его будущего произведения: «Фантастическая поэма-роман. Будущее общество, коммуна, востанье в Париже, побед, 200 миллионов голов, страшные язвы, разврат, истребление искусства, библиотек, замученный ребенок. Споры, беззаконие. Смерть». Мы видим, какой черной завесой созрела у Достоевского: вот, дескать, что было бы, если бы победила Парижская Коммуна. Но Долнин же выводит, что Достоевский был «глухо» ошеломлен тем, что эти перспективы не осуществились. Может ли быть более грубая ложь? Впрочем, оказывается, может!

Пересказывая и цитируя запись Достоевского к роману «Портокост», А. Долнин так рисует мысли и настроения Достоевского: «Революция близка и тревожна, как судба, которая неизменно ожидает человечество. Революция обязательно кончится победой четвертого сословия: «уже предлюдины видны», — разумеется, конечно, Парижская Коммуна». «Вы», — говорит он (Версильов, — В. Е.). Подрастает, — а там, т. е. молодежи, надо готовиться, ибо вы будете участниками; время близко при дверях и, именно тогда, кажется, так крепки миллионные армии, разрывные бомбы». «Миллионные армии, разрывные бомбы», — комментирует А. Долнин, — ничто не поможет удержаться старому строю. Это уже язык не отягощено теоретический, а язык реальной действительности в ее острой классовой борьбе. Еще один шаг — и тема «социализма» появится в романе так, как она мыслится и ставилась в условиях оной общественной жизни того времени» (там же, стр. 50—51).

Но ведь Достоевский запугивает читателя перспективой революции, существует над непрочною капиталистическим обществом, противопоставляя ему свой идеал избежавшей и капитализма, и революции, — «тихой» патриархальной России с батюшкой-царем, православной церковью, Победоносцевым и всеми прочими изоблещенными своим аксессуарам. А советский исследователь Долнин, куря на смех, приспосабливает Достоевскому «язык классовой борьбы» и намекает, что, дескать, «еще один шаг» — и Достоевский приблизится к самой той ни на есть передовой русской общественной мысли того времени.

Для «возвышения» Достоевского Долнин ничего не стоит принизить одного из передовых русских революционно-демократических писателей и мыслителей — Герцена (как, впрочем, — и тов. В. Кириллин, сам того не приметя, принизил революционную мечту Беллинского до уровня реакционно-утопической мечты Достоевского). Клях Парижской Коммуны, — уверяет нас А. Долнин, — был воспринят Достоевским «в такой же мере трагически, в какой воспринята была Герценом события 48-го года». Герцен, который с горечью переживал край иллюзии «надклассового» буржуазного демократизма, Герцен, чьи трагические переживания были, — как об этом Ленин, — формой перехода к суровой, непримиримой, непоколебимой классовой борьбе пролетариата, — и Достоевский, со злорадством «пренебрегающий» крах Парижской Коммуны, — факты совершенно не сопоставимые, несоизмеримые, оказываются, в изображении Долнина, тождественными!

Всем нашим исследователям и критикам, работающим над творчеством Достоевского, необходимо много перестроить в своих оценках, отказаться от либеральной сахарина, чтобы продвигать вперед марксистско-ленинское изучение сложного, противоречивого, крупного писателя, поставившего немало острых социальных проблем, в том числе проблему кулаков, трущоб, язв капиталистического города, — но поставившего эти проблемы неверно, на основе ложной, реакционной идеологии и субъективно-психологического художественного метода, порывавшего с рядом важнейших реалистических традиций русской литературы.

Критика и самокритика прежних работ о Достоевском необходима в свете реальной социальной практики сегодняшнего дня, когда творчество Достоевского особенно активно служит на потребу мировой реакции.

Суровая, беспощадная критика всего неправедного, традиционная «либеральная» в оценке Достоевского, — насущная задача нашего литературоведения.

В частности, автор этих строк в своей работе «Горький и Достоевский» (журнал «Взгляд», 1959 г., № 4 и 5—6), развивая ту же самую концепцию творчества Ф. М. Достоевского, которая выдвинута и в настоящей статье, доводит несогласованность, отчужденность от той концепции и в наивной работе и в некоторых других статьях.

Высшие офицеры армии и флота США ввязываются сейчас в разрушительные игры не только в американском правительстве, но и в Уолл-стрит. То обстоятельство, что и в военной, и в внутренней политике США получают все больший доступ представители реакционных военных кругов, следует поставить в прямую связь со стремлением подготавливать новую войну обеспечить осуществление своих агрессивных и экспансионистских планов. Именно об этом и говорит помещенная нами статья Арта Нидлза, напечатанная в журнале «Ордер» № 14 за ноябрь 1947 года.

Если вы хотите найти адмирала флота Хэлси, то вам нужно посетить Уолл-стрит. Ибо генерал сейчас служит у Морганов и Меллонов.

То же можно сказать о многих других высокопоставленных профессиональных военных, которые недавно вливались в ворота Золотой улицы. Я составил список почти пятидесяти генералов и адмиралов, которые заняли после войны административные посты в крупных фирмах. Вы можете найти их имена в специальных журналах и в финансовых разделах столичных газет. Этот список далеко не полон.

Уолл-стрит переполнен высокопоставленными офицерами армии и флота. Высокопоставленные профессиональные военные занимают посты президентов, вице-президентов и директоров некоторых крупнейших корпораций, Морганов, Меллонов и Рокфеллеров отдают предпочтение генералам и адмиралам при заполнении должностей в своих трестах, вносящих многие миллионы.

Уолл-стрит более рьяно, чем когда-либо, встречает закаленных на военной службе командиров. Ожидается, что воиры с помощью закона Тафта-Хартли будут сокращать профсоюзы, не позволяя им навести ответного удара.

Лоуэн, брошенный председателем управления компании «Сирс Робакс», бывшим председателем фашистской организации «Америка» — прежде всего генерал-майором Робертом Вудом был встречен с радостью. Лоуэн этот гласит, что «чем шире разрастается организация, тем больше она должна походить на войну».

Генерал Вуд, который в течение многих лет не допускал, чтобы рабочие и служащие компании «Сирс Робакс» вступали в профсоюзы, недавно завербовал на службу в эту компанию еще двух генералов.

Это — генерал-майор Уолтер Франк, который будет возглавлять филиал этой компании в Южной Америке, и бригадный генерал Уолтер Рид, который будет руководить филиалом компании в Мексике.

Сам генерал Вуд в течение многих лет принимал латиноамериканцев «на выкуп» действовать по-армейски. В течение десяти лет своей военной карьеры он управлял рабочими, строившими Панамский канал. Как сообщает восхищенный автор статьи, помещенной в журнале «Форум», все эти панамские рабочие слыхали от генерала Вуда только два коротких слова: «Вы уволены».

Не удивляет удивления, что вице-адмирал Эмори Лэнд, возглавлявший Управление судостроения военного времени, был одним из первых нанятых Уолл-стритом высших представителей вооруженных сил.

Факты без комментариев

Избирательная борьба в США, сопровождаемая погоней за голосами, откровенным шантажом, подкупом и запугиванием, находит своеобразное и красочное отражение в повседневном языке широких масс американского народа. Множество метких слов в колких выражениях, встречающихся в живой речи американцев и бытующих в их знакомом обиходе, с непереводимостью изоблачают всю негуманность избирательной механики в Соединенных Штатах и ярко раскрывают несь ее формальный и алчный характер.

Приводим без комментариев ряд этих слов-изобличителей, которые до сих пор еще не удавалось ни вычеркнуть, ни запретить пресловутой комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Strong arm methods — «методы сильной руки»; to boss — безраздельно хозяйничать; gag rule — «закупить рот»; political ring — «политическая шайка, клан»; wire-puller — человек, дергающий за веревочку (то-есть фактический хозяин); invisible government — невидимое, закулисное правительство; greaser — «шпатель» — человек, го-лошущий за азытку более одного раза; stuffing the ballot-box — заполнить урну поддельными бюллетенями; heeler — прихлебатель, человек на содержании у «хозяина»; office-seeker — «искатель тепленького местечка», готовый на все; pie-counter — «пирожок с пирогами» и political plums — «политические «сливы», «изюминки» — оба выражения характеризуют стремление добиться победы на выборах во имя получения теплых местечек и выгодных должностей; henchman — «оруженосец» — политический прихлебатель кандидата в депутаты; dark horse — «темная лошадка» — секретная кандидатура, подготавливаемая «хозяевами» избирателям неожиданно для них и в последний момент; white trash — «белая шваль», «белая дрянь» — малоземельные фермеры и бедняки в южных штатах; to take off — «загробастать», то-есть получить большую выкупу на выборах; roog whites — «бедные белые» — лица, недавно получившие гражданство США и право голоса и по неграмотности а бесценок продавшие свое голоса «боссам».

Лэнд сблизился с Уолл-стритом пять лет назад, когда он занял на собрании банкиров в Нью-Йорке, что каждый профсоюзный организатор должен быть «расстрелян на рассвете». Банкиры воспылали к нему любовью также и за его щедрые контракты по судостроению, в результате которых большая часть правительственного судостроительного фонда в размере 21 млрд. долларов перешла в руки спекулянтов. Сейчас, когда Эмори Лэнд занимает пост президента Ассоциации воздушного транспорта, банкиры в свою очередь хорошо заботятся о нем.

Будет странно, если вице-адмирал Томас Кинкайд, этот ярый враг прогрессивных марков, не найдет себе в скором времени такого же тепленького местечка. 16 октября на собрании Провеллер-клуба в отеле Вальдорф-Астория этот командующий восточной морской пограничной зоной обратился к «судовладельцам с призывом помочь председателю национального союза моряков Джо Каррену в его борьбе против моряков-коммунистов. По сообщению газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» от 17 октября, адмирал заявил, что «не только судовладельческие компании, но и все американцы-патриоты должны оказать всецелую помощь» борьбе Каррена с коммунистами.

Тесное сотрудничество высшего морского командования и трестов проявилось также, когда семья Меллонов предоставила адмиралу Монилу самый высокий пост в своей крупнейшей сталелитейной компании. Недавно ститбургская фирма «Джонс и Маклард» Лайфлин стил корпорейшн» назначила Модрилла президентом фирмы и председателем правления. Меллоны влизи на пост президента своей гигантской компании «Копеле компани» (желез и химикалии) генерала Сомерелла. Когда во время войны Сомерелл возглавлял службу снабжения армии, он получил неофициальный титул «первого каскара в мире». Однако Меллоны больше заботятся о том, чтобы получить материалы на много миллиардов долларов.

Адмирал Хэлси обслуживает как Морганов, так и Меллонов, являясь директором новой «Либеран компани», которая выпустила акции на сумму в 1 млн. долларов. Эта компания была создана для эксплуатации железной руды, леса, какао и золота на территории западноафриканского побережья, являющегося фактически американской колонией. Начальником Хэлси является Эдуард Стеттинбург, отец которого также служил у Морганов. Высший заместитель государственного секретаря Джозеф Гроу также входит в состав правления компании.

В настоящее время наибольший малый высокопоставленных офицеров отмечается в авиационной промышленности, причем здесь имеет место конкуренция между армией и флотом.

Военные в радиокорпорации Америки давно уже направили «Нейшнл Брокстинг компани» по пути к фашизму. Это произошло еще в те времена, когда корпорация возглавлял генерал-лейтенант Харфорд. В настоящее время несколько других генералов и один адмирал поступили на службу в эту же корпорацию.

НАГЛЯДНЫЕ УРОКИ

В одном из крупнейших американских колледжей — Мичиганском — создана специальная комиссия по расследованию антиамериканской деятельности студентов, возглавляемая фашиствующим сенатором Каллахеном. В ответ на организационное сопротивление передовой части студенчества Каллахен пригрозил, что он сорвет намечавшееся ассигнование 2,5 миллионов долларов на строительство нового учебного корпуса.

Студенческий городок при университете Уэйв в США находится под активным местной полицией. Там объявлены незаконными все общественные организации, имеющие связь с «внешним миром».

ЗАПРЕТНАЯ ТЕМА

Французский еженедельник «Аксель» сообщает о запрещении выставки публичного конкурса ораторского искусства, объявленного в одном из высших учебных заведений Вашингтона. Главным препятствием к проведению конкурса являлся тот факт, что к его участникам избрала для своих выступлений. Тема эта гласила: «Пути демократии».

УСТАМИ МЛАДЕНЦЕВ

Как сообщает французская газета «Энтрансман», в США недавно был устроен конкурс на тему: «Изложите наиболее кратко разницу между республиканской и демократической партиями США».

Премия присуждена пятилетнему ребенку, приславшему самый лаконичный ответ. На почтовой открытке было написано: «Никакой».

ЛОНДОНСКАЯ «ХОДЫНКА»

По официальному сообщению Скотланд Ярд (английская полиция), во время недавней церемонии бракосочетания английской принцессы Елизаветы с родственником английского короля Индиан лорда Маунтбаттена было ранено и потеряло ушечку свыше 2500 человек.

Большая часть несчастных случаев произошла в результате невероятной давки в огромной толпе, окружившей Вестминстерское аббатство в беспорядочной вопреки улице, по которым следовала торжественная процессия.

ДОЛЛАРОВЫМ СТРОЕМ